

Н. Н. Кожевников

АЛЁШКА

(отрывок из повести)

В Алёшкином детстве жизнь протекала в двух основных «мирах»: «двор» и «книги», которые постепенно сформировали устойчивую систему координат, прокинувшуюся далеко в будущее, хотя осознание её как жизненной системы отсчета пришло гораздо позже. «Двор» включал в себя семью, как его сакральную сущность, а «книги» со временем расширились за счет школ, особенно там, где возникал действительно настоящий интерес. Потом, во взрослой своей жизни, Алёшка имел многократную возможность убедиться в правильности и добротности структур, определившихся благодаря этим «мирам», тем более, что он и так с самого детства жил как бы «на вырост» по далеко выходящему за пределы реалий его детства плану, предназначавшемуся к замыканию в единое целое на очень далеких этапах его жизни.

1

Двор отделялся от улицы решетчатым деревянным забором и фасадами двухэтажных домов, симметрично расположенных относительно ворот между ними. Сначала, если смотреть слева направо от центра города, шел забор темно-зеленого цвета, снизу сделанный из добротных вертикальных досок с заходящими друг в друга пазами, высотой до метра с небольшим. Потом примерно столько же составляла его ажурная часть из квадратов, ромбов с основаниями сантиметров по сорок и, наконец, сантиметров пятьдесят на самом верху снова шли доски, но уже параллельные деревянному тротуару вдоль улицы. Затем стоял первый дом, снова шел такой же забор с массивными, обшитыми досками столбами для ворот посередине, потом в точности похожий на первый, второй двухэтажный дом и снова решетчатый, до конца двора забор. Ворота между столбами отсутствовали с незапамятных времен, так что двор всегда был открыт. Фасады двухэтажных домов имели по двенадцать окон и по два балкончика на втором этаже. На торцевых стенах располагалось по шесть окон, причем третье и четвертое из них были гораздо уже остальных и предназначались для туалетов. Своими торцевыми частями дома немного выступали вовнутрь двора, по сравнению с их серединными частями, и каждый из этих выступов завершался входом в подъезд под маленькими аккуратными крышами с треугольными скатами. Со стороны улицы вдоль забора и домов шли деревянные тротуары. Они были по всему городу, отличаясь размерами и шириной досок. Встречались тротуары с покрашенными досками и даже с бордюром. Иногда нужно было подняться на ступеньку, чтобы перейти на следующий участок тротуара. Иногда тротуар сдвигался вправо или влево на несколько метров, так что приходилось пользоваться специальными переходами. Как раз там, где начинался дворовый забор, на тротуаре была ступенька вместе с небольшим поперечным переходом в сторону домов.

В глубине двора, параллельно двухэтажным, стояли три одноэтажных дома – два четырехквартирных и один, в левом углу – двухквартирный, за которыми были как бы свои маленькие дворики, ограниченные дальним глухим и высоким заборами. Правый из этих домов казался самым мрачным во дворе, там не было маленьких детей, так что туда

ни к кому и не ходили. С задней стороны этого дома в будке, возле дальнего угла, обитала огромная собака, и обойти его вокруг детям было невозможно. Основная часть двора состояла из трех больших открытых пространств между рядами двухэтажных и одноэтажных домов, разделенных двумя кладовочными сараями – по восемь кладовок с каждой стороны одного такого сарая – всего тридцать два просторных добротных помещения. От ворот, между длинными и широкими палисадниками, параллельно которым стояли кладовки, шла центральная дорога-аллея, а между воротами, двухэтажными домами и торцами палисадников размещалась «центральная дворовая площадь». Если бы жители двора собирались на общие собрания, как древние греки на своих агорах, то это происходило бы именно здесь. Возле двухквартирного дома двор сильно заступал налево, в соседний двор, которых там было два, один за другим. Сначала от улицы шел большой двор непосредственно соседнего, двадцать девятого дома, а следом за ним зады грязного и глухого двора двадцать седьмого дома, граничившего здесь с основной частью выступа Алёшкиного двора.

Этот двор выглядел гораздо чище и ухоженнее соседних, поскольку был заселен сотрудниками одного учреждения – треста «Джугжурзолото». Если возникала серьезная проблема – отсыпка песка, завоз земли, то этим занимались рабочие из треста, а все что попроще – озеленение, уборка – жители делали сами: дух коллективизма и ответственности в те времена был ничем еще не «замутнен». У всех одноэтажных домов и кое-где возле двухэтажных, были небольшие палисадники. По весне в них сажали, в основном, березы, многие из которых приживались, но встречались и кусты, цветники, так что когда все расцветало, получалось очень красиво. Всех квартир в пяти домах было тридцать четыре. Двухэтажные имели по два подъезда и по три квартиры на каждой площадке, то есть двенадцать в доме, одноэтажные дома в глубине двора: центральный и правый имели по четыре двухкомнатные квартиры: два входа со стороны улицы и два – с обратной стороны. Здесь были веранды по углам и большие отдельные с палисадниками. Дом слева отличался большими четырехкомнатными квартирами с двумя входами – задним зимним и летним через большую застекленную веранду, открывавшимся только летом. В это время продолжали активно пользоваться и задним входом, так что коридор становился самым проходным местом, по нему все время кто-нибудь перемещался, Алёшка же, вообще, непрерывно. Палисадник проходил не только по фасаду, но заходил далеко направо и налево, примерно на половину стены. За домом стоял свой сарайчик с двумя кладовками. Двор казался огромным, потому что в нем было много уютных закоулков, а также интересных строений и сооружений.

Алёшка жил в левом одноэтажном двухквартирном доме, окруженном живописным палисадником, куда со стороны двора, отворив решетчатые воротца, можно было попасть на тротуарчик, упирившийся через четыре-пять метров в дощатый настил, идущий вдоль дома, на который спускались ступеньки левого и правого крыльца от парадных летних входов в квартиры через большие просторные веранды. Палисадники, густо заросшие березами и боярышником, окружали дом с трех сторон, образуя букву «П» с длинной поперечиной. Свою часть палисадника Алёшка знал во всех деталях: сначала, от калитки, шли три березы – раскидистая, поменьше, потом снова очень большая – самая большая в палисаднике, да, наверное и во дворе. В её тени расположился первый боярышниковый куст, а потом после березы средних размеров – второй, и еще одна раскидистая береза стояла в углу палисадника. Боярышниковые кусты были густо усыпаны колючками, и требовался определенный навык, чтобы без крови на пальцах обрывать гроздьях кисло-сладких желтых ягод, поспевавших на них к концу августа, и которых особенно много было на втором, более открытом солнцу, кусте. Еще два куста поменьше, но тоже очень ягодных, росли вдоль торцевой стены дома после еще одной березы, немного заходя за границу веранды. За ними еще стояла береза между окнами комнаты и кухни, где, не доходя до конца стены, палисадник заканчивался приблизительно двухметровым торцом. Играть в садике было неинтересно – тесно и тени много, разве что нарвать ягоды или

АЛЁШКА

спрятаться во время игры в прятки, другое дело маленький дворик за домом, где соблазнов было действительно много.

Это был, конечно, не дворик в полном смысле слова, но довольно обширное пространство за домом, где стояли поленицы дров, а добротная деревянная лестница вела на обширный чердак, с полукруглым разделенным на несколько сегментов окном, где «пол», засыпанный какой-то смесью шлака и земли, разделялся на сегменты выступавшими на полметра горизонтальными бревнами, и только над верандой пол был из тонких досок, по которым никто из детей, конечно, не ходил, хотя кроме Алёшки на этом чердаке мало кто и появлялся. С веранды было хорошо слышно, что там наверху говорят, да и с чердака все было прекрасно слышно. Над входными дверями были небольшие енды, так что чердак имел по два торцевых фронтона над каждой квартирой. Доски здесь, хотя и хорошо подогнанные друг к другу, немного разошлись, и сквозь тонкие щели мелкими лучиками било солнце. В дворике было много закрытых местечек с рыхлой землей, песком, щепками, обрезками досок, из которых возводилось все что угодно: крепости, замки, частоколы, хижины – для персонажей только что прочитанных книг. Потом двор был общий, большой, детей много, а здесь все принадлежало Алёшке, крепость из земли и щепок могла стоять неделями, пока он сам же не возводил на её месте другую. С задней стороны шел высокий забор, за которым располагался склад с запчастями для сельхозтехники – тракторов и грузовых автомобилей. Въездные ворота во двор склада и будка-домик со сторожами находились далеко с левой стороны, а прямо за забором шли отгороженные навесы, где стояли ящики, среди которых ценились только подшипники. Раздобыть там несколько подшипников считалось во дворе признаком силы духа; их разбивали потом обухом топора или, когда попадались особенно крупные – колуном, протирали тряпками от смазки и с гордостью показывали друг другу целые горсти стальных шариков: маленьких, средних или крупных и тяжелых, три-четыре штуки которых полностью покрывали ладонь. Под такие шарики пытались делать бильярдные столики из досок, но как-то особенно в них не игралось, да и терялись эти шарики очень быстро. В дворике за домом стояли длинные поленицы дров, потому что в каждой из квартир имелось по две печки – на кухне с большой плитой, задняя стена которой нагревала соседнюю комнату, и «голландка», которая топилась из «залы», нагревая кроме неё еще две соседние комнаты с окнами в этот задний дворик. Три окна «залы», которую так никто дома не называл, но где-то вовне это слово витало, выходили в большой двор. Деревья в палисаднике немного закрывали обзор, но, во-первых, оставалось большое открытое пространство возле калитки, а во-вторых, большую часть года как раз тогда, когда естественного света было мало, деревья стояли без листьев, и окна вбирали через себя весь свет, который только можно было собрать. Поленица первичных привезенных дров интереса не представляла, эти тяжелые чурбаки в два ряда лежали вдоль забора, зато наколотые дрова складывались в затайливые поленицы, которые стояли и прямо, и под прямыми углами, так что между ними образовывались проходы, тупики. Детям запрещалось, конечно, здесь находиться, тем более играть, но разве кто-то мог подумать всерьез, чтобы эти небольшие полешки действительно могли кого-то задавить, разве что ушибить, да и то несильно.

Территория за выступом поперечного забора была самой неинтересной, туда и не заглядывали, а вот в ближнем соседнем дворе жили одноклассники: Миша Чернов, Сережа Якушев, девочки из класса. К ним иногда ходили играть или когда бывали в ссоре, дразнили через забор. В самом дальнем левом углу двора за небольшим сараем на две кладовки был проход, изгибавшийся под прямым углом, где однажды прятался сбежавший заключенный, что Алёшка понял далеко не сразу. Дальше по улице за колючей проволокой заключенные строили жилой дом и новое управление республиканского МВД. Наверное, он был с этихстроек или из поликлиники МВД, что стояла напротив треста «Джугжур-золото». Мужчина средних лет осторожно подозвал кого-то из детей и попросил одежду. Соседка тетя Вера сходила туда к нему за сараем, а потом они с Алёшкиной бабушкой собрали брюки, пиджак, рубашку, кепку, пирожки в тряпочке, который этот мужик засунул себе в карман и легкой неторопливой походкой направился к выходу из двора, повернув за воротами налево, в сторону от центра.

Между одноквартирными домами размещалось два странных маленьких строения, справа от Алёшкиного дома стоял довольно большой курятник – многие ребята называли его «кутух». Он возвышался всего метра на полтора над землей, по бокам торчали маленькие оконца, входить туда нужно было пригнувшись, так как пол находился на полметра ниже уровня земли. Одна из семей дома напротив разводила там кур, их было много – насесты стояли со всех сторон. Куры круглый год несли яйца. Кур время от времени забивали на мясо. Летом появлялись целые выводки желтых цыплят, чинно гулявших перед «кутухом». Когда выводки пересекались или соприкасались друг с другом, цыплята начинали суетиться, но быстро разбирались, перескакивая иногда прямо друг через друга. Их потоки, семенящие за разными курицами, снова становились безупречно однородными. Между двумя другими домами также стоял домик-землянка, где жила большая семья цыган по фамилии Цимбалист, где один из мальчишек приходился Алёшке ровесником, но играл он с ребятами редко и немного. Внутри землянки заглядывать было неприятно, в глаза бросалась общая грязная комната, где спала вся семья, где ели и готовили пищу.

Самой любимой игрой двора были «казаки-разбойники», но без всяких там «темниц», куда сводят пойманных «разбойников» – это казалось скучным, и чтобы пойманные покорно шли туда и не убежали, а потом также покорно где-то сидели, тоже казалось лишним. От прятков эта игра отличалась тем, что спрятавшийся обязан был отмечать свое перемещение стрелками, конечно, постоянно пытаясь обмануть, запутать, но после нескольких обнаруженных друг за другом стрелок становилось примерно ясно, где кто спрятался – двор-то все знали отлично. Самым важным отличием от прятков была возможность убежать, когда тебя заметят – лезть на забор, на крышу, а когда убежать начинали одновременно трое-четверо – поднимался гвалт на весь двор. Обычно эта игра собирала человек десять, но случалось, что и пятнадцать и даже двадцать мальчиков и девочек. «Запятнанный», то есть тот, которого догнали и коснулись рукой, просто выбывал, садился где-нибудь на крыльце и ждал, кто в итоге выиграет. Алёшка бегал быстро, и когда Витька Одинцов собирал свою команду, он первым делом манил к себе Алёшку. Витька чувствовал эту игру до самых экзистенциальных глубин, знал, кому где прятаться, и всегда со своей группой побеждал, так что и играть-то против него даже со временем никто не хотел. Он каждый раз изобретал что-нибудь неожиданное, то разбивал всех на пары, так что когда первого находили, то второй мог «запятнать» нашедшего; то организовывал нападение на ждущих в ленивом ожидании противников сразу же после истечения срока, отведенного для прятков «разбойников», и начиналась чуть ли не драка, все кричали и нельзя было понять – кто кого первым «запятнал». Однажды он спрятался на чердаке своего дома, куда особенно-то и не лазил никто, за какими-то старыми мешками и куском картона, которые стояли там несколько лет. Чердак осматривали два раза, совсем стемнело, родители забеспокоились и стали звать детей по домам. Кто-то из ребят знал, где сидит Витька, и переговаривался с ним снизу от торца дома. Витька требовал от противников признания безоговорочной капитуляции и вылез только тогда, когда они наконец согласились.

Двора давно нет, но вспоминается он часто, причем не строения, а общее пространство между Алёшкиным и двухэтажным домом и заливающий его свет: летний, туманно-зимний, пронзительный весенний, прозрачный осенний, все их цветочные сочетания и еще много отдельных лиц – почти все, кто там тогда обитал. Отчетливо запомнились летние тени ранним вечером – тень на парадном крыльце, где хорошо читались книги, и тени заднего дворика, распределенные по всем его закуткам. Ребята во дворе дружили, вместе играли, да и учились все в одной школе, но были и ссоры, причем несколько раз из-за каких-то несправедливостей Алёшка оказывался противостоящим всему двору.

Здесь, во дворе, обозначились два фундаментальных предела Алёшкиного «Я», которые в дальнейшем направляли всю его жизнь. Первому из них – идентификационному – можно найти множество примеров в неживой и живой природе. Из туманности формируются планеты – происходит их самоидентификация, и хотя, наверное, самоорганизация планет стремится к большему совершенству, но и так, если иметь в ви-

АЛЁШКА

ду Землю, получилось очень хорошо. Аналогичным образом индивид стремится к самоидентификации и, наверно, это имел в виду Александр Твардовский: «Найди себя в себе самом и не теряй из виду». Путь к такому внутреннему динамическому равновесию очень сложен из-за опасностей на границах своего «Я», где можно совершить ошибки и, вообще, погибнуть, но стремление к идентификации – процесс неотвратимый, поскольку является стремлением оптимизировать, структурировать свой внутренний мир, оставив в нем только существенные характеристики, своего рода культурно-интеллектуальную аскезу. Далеко не все из живших на нашей планете прежде и живущих теперь сумели это сделать. Однако планета существует не сама по себе, а является элементом многих систем – вращается вокруг звезды, взаимодействует с соседними небесными телами, соответствует ритмам пространства, времени и основных физических взаимодействий мира, то есть стремится к некоторому коммуникационно-сетевому пределу, который также в полном объеме в реальных условиях не достигается. К этому пределу стремятся микроорганизмы, особи, индивиды, увязывая свое существование с окружающей средой, наращивая по мере приближения к нему устойчивость своего бытия.

2

Книг в Алёшкином детстве хватало: три полных книжных шкафа дома, много книг у соседей, ну и в городской библиотеке иногда что-то брали. Первый пласт определила бабушка, долго проработавшая преподавателем русского языка и литературы. В три-четыре года Алёшка упоенно читал наизусть Некрасова – «Дед Мазай и зайцы», «Генерал Топтыгин», причем бабушка любила невзначай продемонстрировать эти его способности соседкам или подругам, иногда заходящим к ней в гости. Бабушка любила в основном русские классические стихи и прозу, она читала выразительно, ритмично. Затем наступил черед отца, который недели за две прочитал ему «Робинзона Крузо». Алёшка целый день ждал, когда отец придет с работы, и только он снимал пальто, протягивал ему книгу. Отец смеялся и отбивался:

– Дай поем, отдохну немного. – Алёшка читал уже и сам, но это было совсем другое чтение: медленное, не позволявшее увидеть жизнь в целом, а из двух-трех глав, прочитанных отцом, сразу все представлялось как бы наяву.

– Еще, – просил Алёшка, – еще одну главу.

Однажды Витька Одинцов, который был на год старше и уже собирался на будущий год в школу, показал Алёшке книги с прекрасными картинками: мальчишки с дохлой кошкой на веревке ночью на кладбище становятся свидетелями убийства доктора, один из них чуть-чуть не попадает в пещере индейцу Джо, плот с двумя беглецами: мальчишкой и здоровенным негром посередине огромной реки. Алёшка с восторженной завистью рассказал о книгах отцу.

– Да это же Том Сойер и Гекльберри Финн, у нас есть эти книги. – Отец поискал в одном из шкафов, где-то внизу, во втором ряду, и достал «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна» в бумажных переплетах, изданные хуже, чем видел Алёшка, но зато их можно было читать дома, вместе с отцом, а картинки можно было посмотреть и у Витьки. Скоро Алёшка научился просматривать длинные главы сам, схватывая смысл, а детали или длинные описания просил прочитать отца.

Играть в эти книги было скучно, но зато пять толстых томов Дюма про мушкетеров открывали гораздо более безграничные возможности: здесь мелькали замки, схватки между группами щепок в красных коротких плащах и в черных, на что уходили все бабушкины тряпки. Кардиналы, короли, королевы были из более аккуратных палочек, с плащами, длинными до пят и более благородных цветов: фиолетовые, темно-зеленые, багровые из кусочков бархата, фланели и еще каких-то хороших тканей. Майн Рид, Купер тоже прекрасно дополнялись земляными сооружениями. У Майн Рида каждый роман предваряла подробная карта местности, крестиками отмечались события, для романов Купера карты легко составлялись самим: один форт, другой форт, две дороги, одна с засадой,

другая длинная и через болото, рядом озеро с плавающим домом посередине. Зимой, особенно в каникулы, годились шахматные фигурки – дома было пять или шесть досок различных размеров, большинство не полного комплекта. Здесь легко формировались королевские свиты, куда шли фигурки королей и ферзей поменьше. Различия офицеров в размерах соответствовало званиям и чинам, ладьи годились для священников, иезуитов или на пушки. Зимой дома не хватало места, в большой комнате расположиться надолго было нельзя, да и у себя – не на проходе же играть – оставался угол за полкой, под письменным столом, где мешала перекладина для ног, и еще пара крошечных закутков.

Витька Одинцов играл совсем по-другому, Алёшка с завистью смотрел на его аккуратный дворик, который он почему-то называл «заимка». Здесь все было сделано необыкновенно добротнo: в домике и сараях просматривались кругляшки бревен, окна, коровы, лошади, люди выглядели очень похожими, но над всем этим стояла смертная скука – действия почти не было.

– Ты во что играешь, – удивлялся Алёшка, – в коров? Две коровы, три лошади, во что тут играть? Должен быть табун мустангов, стая львов, шакалы, моряки.

– А ты в щепки, – огрызался Витька.

Щепки, были, конечно, некрасивыми, но они могли превращаться во что угодно: в пиратов, мушкетеров, индейцев с непроизносимыми названиями племен, да и если разрушалось все это, то и не жалко особенно было, не то что «заимка», которая однажды пострадала от неосторожно наехавшей на неё задом грузовой машины, восстанавливалась сложно и долго.

Новых слов из книг было столько, что осваивались они совсем непросто, часто просто обозначались.

– Ну, в общем, эти индейцы на букву «С», а эти на «И».

Как-то мама случайно услышала, как Алёшка увлеченно рассказывал соседскому мальчишке.

– И тут он вскочил на «мустанганга» и поскакал в «перью». Эта фраза стала в семье классической и часто повторялась всеми, кроме бабушки, которая, вообще, не одобряла все эти приключения и истории, разве что Дюма как-то еще она признавала.

– Ну, ты зачитался, – качал головой отец. – Повтори-ка, – улыбался он, – вскочил на мустанга и поскакал в прерию.

Алёшка повторял и удивлялся, почему такие красивые слова звучат так неправильно; то, что запомнилось ему, сначала было гораздо красивее.

Школьной библиотекой почти не пользовались, книг там было мало, но зато городская библиотека было очень даже неплохой. В абонементе был свободный доступ к книгам, но там женщины-библиотекари обязательно начинали разговор, о том, что он любил читать. Они навязывали что-нибудь про животных или растения. Эти книжки дома сразу забрасывались подальше, но потом еще приходилось отвечать, что именно в них понравилось. Алёшка схватил в абонементе «Дон Кихота», но читать её почти не мог: все оказалось растянутым, много длинных разговоров, авторских отступлений. Зато в городской библиотеке был большой читальный зал, куда нужно было подниматься по очень высокой и узкой боковой лестнице, потому что она размещалась в бывшем здании Преображенской церкви, а читальный зал – где-то на верхних её ярусах. Здесь набрасывались на «Туманность Андромеды», «Каллисто» – конечно, этой новой фантастики Ефремова и Мартынова дома не было. Зато в магазинах попадались сборники научной фантастики, а как-то продавщица в ближайшем книжном магазине, куда Алёшка ходил через день, порекомендовала ему «Страну багровых туч» Стругацких, где фотонная ракета с научной экспедицией летела на Венеру. Сам этот термин «фотонная ракета» привел Алёшку в восторг. Он все время теперь рисовал параболическое зеркало, источник света внутри него и параллельные лучи, идущие от зеркала и толкающие ракету вперед.

– Как это свет может её толкать, – удивлялись ребята в классе.

– Так и толкает, – убежденно говорил Алёшка, – зато летит со скоростью света.

В любом случае книги были восхитительны. Они часто не читались толком, а просто проглядывались, как Гомер или Мольер, но все равно что-то выхватывалось на будущее,

АЛЁШКА

формируя достаточно обширную и глубокую матрицу. Каждая книга открывала новые просторы, исторические пласты, человеческие тайны. От этих книг осталась, прежде всего, ширь горизонтов: истории, географии, культуры. Сюжеты просели куда-то вниз, сквозь сито памяти, а горизонты укрепились, переплелись, постоянно формируя новое качество.

Алёшкины книги формировали свои идентификационный и коммуникационно-сетевой пределы, дополняя то, что было уже намечено двором. Здесь идентификация отступала на второй план, выдвигая вперед коммуникационное начало, поскольку каждый организм с самого рождения связан с информационными сетями, человек продолжает этот процесс, выстраивая новые и укрепляя уже существующие сети. Поначалу эти образования могут быть случайными, неустойчивыми, развиваясь на ложных основаниях, но посредством естественных самоорганизационных процессов качество сетей повышается, благодаря стремлению индивида к некоторому пределу, после которого развитие сетей становится необратимым и они уже сами начинают управлять индивидом, которой к этому времени превращается в личность. Сеть, которую формировали хорошие книги, исключала всё бездарное и конъюнктурное.

Книги выводили Алёшку на предчувствие ещё одного (третьего) предела, которого не было во дворе – взгляд на мир с точки зрения полного времени жизни или существования любой природной системы. В детстве это можно ощущать только как редкие ошеломляющие соприкосновения с чем-то высоким, абсолютным, обладающим универсальной целостностью. Такой взгляд заставляет томиться великой тайной, бояться её и в то же время страстно желать прикосновения к ней.

3

Бабушка впервые приехала в Якутск в 1897 году из Киренска по реке поступать в гимназию. Было два города с женскими гимназиями, куда можно было ехать учиться из её родных мест: Иркутск и Якутск. До первого, конечно, ближе – по прямой меньше семисот верст, до второго – раза в два дальше, но в Иркутск нужно было добираться с пересадками: пароход, лошади, потом поезд – для маленькой девочки все это не просто. Зато на пути в Якутск была только река – садись на пароход и плыви вниз. В Киренске пристань рядом, да и в Якутске, как оказалось, от летней пристани до места будущего жительства всего метров пятьсот. Друг семьи, помощник капитана, опекал девятилетнюю девочку во время плавания, а потом привел её к двоюродной тетке, которая, выйдя замуж, переселилась в Якутск. Их дом – большой двухэтажный, весь первый этаж которого и часть второго сдавались внаем, – находился недалеко от монастыря. Провожатый помог с чемоданом, передал письмо, и тогда еще совсем маленькая для самостоятельной жизни бабушка осталась одна в незнакомом городе.

Жить у тетки было непросто, зима в Якутске оказалась очень холодной, приходилось регулярно мыть полы чуть ли не во всем доме, но учиться было интересно. Гимназия оказалась недалеко, всего минут пятнадцать-двадцать ходьбы: сначала по ул. Полицейской, так что Гостиный двор оставался справа, а затем налево по ул. Клубной и возле базара, напротив Преображенской церкви, стояло новое добротное просторное двухэтажное здание. Учеба давалась легко, учителя были довольны, хвалили. Все шло само собой и потом, окончив гимназию, бабушка долго работала преподавателем русского языка и литературы в Киренске, Иркутске: в школах, на курсах повышения квалификации. Второй раз она приехала в Якутск уже вместе с сыном, Алёшкиным отцом, которого в 1947 году перевели на работу с золотых приисков Якутии в центральный трест «Джугжурзолото».

У приемных родителей бабушки – известного в Киренске кузнеца по фамилии Цуркан и его жены Марии Васильевны – не было детей, а у сестры Марии Васильевны их родилось восемь. Однажды через Киренск куда-то на заработки ехала семья: братья и с ними сестра с полугодичной девочкой. На приисках не брали на работу с маленькими детьми, семья узнала, что в городе есть надежная зажиточная семья и оставила девочку в доме Цуркана, где её за эти несколько месяцев сильно полюбили. Когда мать пришла забирать

ребенка на обратном пути, ей сказали, что ребенка не отдадут, тогда пошли разбираться братья. Цуркан встретил их в воротах с оглоблей в руках, он плохо слышал, но был очень сильным упрямым человеком, к тому же все в городе знали, что во дворе у него живет медведь. Что там было дальше, сказать трудно, но семья отступилась, уехала куда-то на запад, вроде бы в Тюменскую губернию, а Катя осталась в Киренске.

Про Цуркана, вообще, ходило много легенд. Медведь у него действительно был и даже помогал ему по кузнечному делу, раздувал меха, двигал тяжести. Однажды Цуркан выполнил сложную большую работу для монастыря и долго не получал оплаты. Несколько раз обещали, но всё никак не могли рассчитаться. Тогда он взял медведя, которого водил на цепи и пошёл разбираться на месте – вышел большой скандал. Человек он был немногословный, суровый, но приёмную дочь любил сильно и всячески её баловал. Алёшкин дед, будущий бабушкин муж, тоже был киренским, всю жизнь он проплавал на пароходах по Лене. В молодости Алёшкин дед служил на Балтийском флоте, оказавшись призванным туда как раз накануне Цусимы, но в эскадру Рождественского не попал – дело было ответственное, набирали как минимум «второгодков», а дед служил в это время только первый год. Впрочем, он был, если так можно выразиться, наполовину сухопутным, состоял в «двенадцатом флотском экипаже имени Королевы Эллинов». В 1906 году как рядовой участник оказался замешанным в Свеаборгском восстании и был выслан под надзор полиции по месту жительства. По-видимому, начальство флота и полиции не могло представить, что человека можно сослать дальше Киренска, так что в этом смысле ему повезло: досрочно демобилизовался, «надзор» создавал ему ореол мужественности. Цуркан до самой своей смерти называл деда «политическим».

Дед очень много читал, был человеком самостоятельным, так что многие обращались к нему за советом или какими-либо разъяснениями. Выросший на большой реке он был и тонким знатоком рыбалки. Киренск стоит на острове, у всех моторные лодки, на которых ездят и к ягодным местам, и в гости, ну и, конечно, у всех свои заветные рыбные места. Алёшкин отец перенял у него эту страсть к рыбалке, и во все воскресные летние дни он стремился куда-нибудь на реку. Он ходил один или с соседом, а когда Алёшка подрос, стал брать его с собой. Алёшке хорошо запомнился один такой поздний летний вечер, когда вдвоем с отцом они шли по пескам к мысу напротив старого телеграфа. Город из-за протоки был виден почти весь, огней еще много, но они постепенно гасли. Отец в старой шинели (горные инженеры носили в то время форму), с большим рюкзаком за плечами, с удочками в руках ушёл далеко вперед, потом оглянулся и остановился, а Алёшка належке в стареньком довольно теплом пальто, в сапогах думал в это время:

– Я об этом обязательно напишу. – Мысль была настолько ясной и твердой, что явно имелась в виду не просто этот вечер, затихающий город, отец, ждущий устало бредущего по песку Алёшку, но всё это в контексте какой-то более полной и глубокой системы, с которой, впрочем, вот такими простыми способами иногда можно наладить устойчивую связь. Потом когда дошли, наконец, до места, отец сразу же начал ставить закидушки, а Алёшка собирать сухой плавник, из которого развели яркий костёр, заварили чай, поели, и так захотелось кое-кому спать, что пробуждение пришлось уже на высоко стоящее солнце. Отец со спиннингом отошёл по берегу далеко к дальней части острова.

– Не клюёт ничего на спиннинг, – откликнулся он, – только на закидушки.

Рыбы оказалось довольно много, но отец считал, что это не рыбалка.

– Скоро домой пойдем, клёв кончается, уже почти шесть.

– Ты не спал совсем? – спросил Алёшка, – меня-то почему не разбудил?

– Тебя разбудишь, пожалуй, – усмехнулся отец, – а я вздремнул немного, дома посплю.

По-настоящему рыбалка началась, когда в семье появилась машина – «Москвич-407», на котором стали ездить далеко за пределы Туймаады. Сразу появились заветные рыбные, грибные и ягодные места. Рыбачили в основном в районе Октемцев, в долине Эркэни, что соседствует с Туймаадой с юга, где запросто ловили больше ведра рыбы за один раз. Сетью перегораживали большую часть устья курьи, впадавшей в Лену и время от времени ездили проверять её на резиновой лодке. Здесь всё шло, как по графику:

АЛЁШКА

вечером попадалось немного окуней, щук, сороги, с полночи и до двух утра ловились одни сиги, небольшие, граммов по четыреста, пятьсот. Сиг – рыба нежная, его необходимо сразу потрошить и слегка натирать изнутри солью, иначе к позднему утру они уже протухали. В четыре-пять часов уже при вставшем солнце шли щука и немного окунь, часу в седьмом клёв прекращался, можно было не спеша собираться и ехать домой. Отец на протяжении всей рыбалки часто уходил вниз по реке, где текла одна из широких ленских протоков, и ставил там закидушки. Были они у него длинные, метров по пятьдесят, с пятью крючками каждая, так что иногда на них попадалась хорошая рыба. Прямо впереди виднелся фарватер, где иногда в просвете между двумя островами ненадолго возникал ярко освещенный пароход, буксир с баржами, но это было далеко, а возле устья курьи стояла совершенная тишина. Бабушка потом вкусно готовила пойманную рыбу: сегов и сорогу жарила, щуку фаршировала, из окуней варила уху, причем часть рыбы неизменно раздавалась соседям.

– Наши-то наловили сегодня, одних щук девятнадцать штук, – говорила бабушка, протягивая тете Вере или кому-то из соседних домов эмалированную миску с несколькими прикрытыми листовой рыбками.

Предел полного времени жизни также недостижим для конкретной системы при взгляде на него изнутри, но когда смотришь на чью-то завершившуюся жизнь со стороны, то видишь её в совершенно равновесном обрамлении. Рождение, смерть, все события, бывшие между ними, как будто высечены на каменной плите. Особое значение это имеет для близких людей, поскольку ты хорошо знаешь, как непросто было многое в их жизни, но вот эти люди умерли, и всё, к чему они стремились даже перед самой смертью, оказалось уравновешенным пределами отведённых им сроков. Однако остается ещё любовь – все они любили Алёшку, и совсем не похоже на то, что эта любовь куда-то исчезла, матрица, которая лежит в основе его «Я» сформирована именно этим. Может быть, она существует, как, допустим, ячейка ноосферы или в другом виде, но она есть, до сих пор участвуя в формировании его «Я», жизненных приоритетов, и она должна, обязательно должна сохраниться и после его смерти.

4

Работа отца – трест «Джугжурзолото» – располагался совсем близко, всего-то минут пять спокойной ходьбы, и то, как отец уходил на работу или приходил с нее, возвращался на обед – представляло собой целый ритуал. Он всегда шёл по правому тротуару, к которому примыкал двор, затем переходил через улицу практически напротив ворот треста и по тропинке через двор подходил к внутреннему его крыльцу. Это здание, расположенное на углу оживленного перекрестка улиц Лермонтова и Дзержинского, было построено в годы войны для штаба авиационной дивизии, перегонявшей американские самолеты по маршруту Уэлен на Чукотке – Красноярск, а затем передано предприятиям золотодобывающей промышленности. За внутренним двором треста было еще несколько дворов: в самом дальнем находилась автобаза, перед ней – двор с жилыми домами, где если пройти вглубь налево, находилось два магазина, куда Алёшка начал ходить еще до школы по бабушкиным заданиям за чем-нибудь простым: хлебом, крупой, чаем, сахаром. Эти магазины (продовольственный и промтоварный) все называли «нашими», бабушка так и говорила:

– Сходи-ка в «наш» за хлебом и килограмм риса еще возьми.

Промтоварный магазин Алёшку не интересовал, он туда сам и не ходил, а вот в продовольственном бывал часто.

Во внутреннем дворе треста было много интересного. Во-первых, коммутатор телефонной станции «Волга», к которому относился прилегающий квартал. Если звонить на другой коммутатор, например МВД, который обслуживал кварталы вокруг школы, а там жило много одноклассников и одноклассниц, нужно было, услышав голос телефонистки попросить «Город», а у ответившей новой телефонистки – коммутатор МВД. На нём номеров не было – следовало назвать квартиру Васильева, например, зато на «Волге», как и на самом «Городе», назывался четырехзначный номер. Иногда телефонистки пускали

глазевших в окна ребят к себе и даже позволяли вставить длинный шнур со штырем на конце из вертикальной панели, где их было штук, наверное, сто, в гнездо на специальном столе, соединив звонящего с вызываемым абонентом. Однако самым таинственным и загадочным местом была библиотека, размещавшаяся в двухэтажном здании на другой от ворот стороне двора, на первом этаже. В этом доме размещались жилые квартиры, но в основном, по-видимому, однокомнатные с входом из общего коридора: Алёшка бывал здесь у одного однокашника. Библиотека занимала не более трети первого этажа и царствовала здесь Евдокия Ивановна Шахурдина, строгая пожилая женщина, жившая одна в дальней двухкомнатной квартире правого одноэтажного дома в Алёшкином дворе с окнами, выходящими на его основное открытое пространство. Библиотека была специальная, работала с особой литературой, в глубине там виднелось что-то вроде зала, полки с книгами. Алёшка ходил не в саму эту библиотеку, а только к Евдокии Ивановне в комнату наподобие склада, где книги разбирались, сортировались и где, как, оказалось, было много интересного.

Один раз, когда Алёшка вежливо поздоровался с Евдокией Ивановной на улице, она неожиданно сказала.

– А вы почему на библиотеку приключений не подписываетесь? Уже четыре тома прошли, но еще можно на остальные, ты скажи папе.

С этого дня, когда отец принес сразу три разноцветных тома с яркой «рубашкой» на обложке, Алёшка понял, что есть такое понятие, как «подписка на собрание сочинений», и что Евдокия Ивановна может оформлять её через магазин подписных изданий на самые фантастические книги.

– Так у нас же есть подписные тома, – объяснил отец, – Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Большая советская энциклопедия идет, Чехов, Горький, на Диккенса скоро будет подписка.

Сам этот процесс – подписка на собрание сочинений с оплатой задатка, получением квитанции – как-то ускользнул от Алёшки, не был им идентифицирован. К тому же книги Евдокии Ивановны были гораздо интереснее. Иногда она подписывала сама, иногда говорила при встрече или звонила.

– В воскресенье будет Майн Рид, шеститомник в «подписных изданиях» (магазине), с самого утра можно подписаться.

Потом уже сам Алёшка собирал проспекты о готовящихся изданиях: шеститомнике Купера, двадцатитомнике Вальтера Скотта и о многом другом.

– Алёша, – говорила Евдокия Ивановна, почуяв в нем книжника, – у меня Бальзак лежит, двадцать четыре тома, но без одиннадцатого, почти новый, ты спроси дома.

– Я заберу сразу, говорил Алёшка, – я потом спрошу.

– Ты откуда столько книг притащил, – удивлялась мама, – опять Шахурдина. – Бальзак, полное собрание, – мама брала том за томом, смотрела оглавления. – Можно оставить, ладно, я рассчитаюсь, сколько она сказала, двадцать два пятьдесят? – Алёшка ликовал.

– А что еще у Вас есть, Евдокия Ивановна, – уже издали, завидев её, кричал он.

Слух о многотомных изданиях циркулировал и во дворе, за всем этим, оказывается, следили и сосед дядя Коля, и Витька Одинцов. Дети у дяди Коли были взрослые, жили где-то возле Москвы, поэтому все эти приключенческие авторы его особенно не интересовали, но зато они с тетей Валей обожали настоящую, по его мнению, классику: Стендаля, Алексея Толстого, Куприна. Слух возникал и в школе.

– «Гиперболоид инженера Гарина» в «Библиотеке приключений» пришёл, Вальтер Скотт – третий, Жюль Верн – седьмой.

И тогда в ближайшее воскресенье Алёшка с отцом шёл в магазин подписных изданий и торжественно нес домой разноцветные тома с ещё слипшимися страницами, чуть пахнувшими при их перелистывании чем-то вроде бензина со слегка сладковатым привкусом. Всё это проглатывалось за несколько дней, а потом ещё и обсуждалось с друзьями. Юрка Дун, живший в левом от ворот двухэтажном доме на первом этаже, всё ждал «Бе-

АЛЁШКА

лую перчатку» Майн Рида. Он то ли читал её раньше, но, скорее, слышал о ней что-то и совершенно уверенно заявлял:

– Самая лучшая книга из всех; будет в пятом томе, к концу этого года.

Дядя Коля охотно обсуждал с Алёшкой прочитанные книги, он часто что-то делал во дворе: отгребал в сторону снег, летом мастерил мебель, чинил электроприборы или копался со своим «Москвичем». Алёшка тут же подходил к нему и начинал рассказывать о последних прочитанных книгах. Дядя Коля внимательно слушал, кивал, посмеивался.

– Ну, ты читаешь, как акула. Зайди-ка ко мне через полчаса, я нашёл там кое-что для тебя. – И снова Алёшка тащил домой новые книги, правда, дядя Колин вкус ему не очень нравился, что-то всё историческое, древнее, серьёзное и очень скучное.

– А Владимира Беляева ты читал? Хороший писатель.

– Он не Владимир, а Александр, – возражал Алёшка. У нас есть трехтомник: «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля», я знаю.

– Это другой Беляев, подожди, сейчас принесу.

Дядя Коля принес толстую затрепанную книгу «Старая крепость» – о гражданской войне, которую Алёшка прочитал два раза подряд. Они с тётей Валею были постарше родителей, уже собрались на пенсию и хотели переехать поближе к детям. Перед отъездом возле их дома целый месяц стоял огромный деревянный ящик, куда дядя Коля потом поместил свой «Москвич». С двух длинных сторон на нём был написан подробнейший адрес: Загорск, Московская область, ул. Комсомольская.

Оказалось, что в магазине подписных изданий был большой букинистический отдел, куда Алёшка заходил сначала с отцом, а потом, став постарше, стал ходить туда регулярно сам. На этих полках действительно попадались прекрасные, часто и совершенно новые книги: два толстущих кремowych тома Филдинга, коричневый двухтомник Крылова и, вообще, всё, что имело отношение к мировой классике, если и не покупалось, то, по крайней мере, подолгу просматривалось, прямо на месте. Гораздо ближе к дому, метров двести от треста «Джугжурзолото» по улице Лермонтова, стоял обычный книжный магазин, где Алёшка охотился, прежде всего, за серией «Жизнь замечательных людей», да и вообще, можно сказать, за всем. Ещё там продавались марки: по одной, сериями и целыми кляссерами. Конечно, довольно скоро основной проблемой стали деньги. Их иногда давал отец, в целом-то одобряя приобретение литературы. Какая-то мелочь оставалась от магазинов, куда Алёшка регулярно ходил по бабушкиным заказам, так что копеек шестьдесят, иногда даже рубль оставались, и этого хватало на хорошую книгу, особенно в букинистическом отделе. Случалось, что Алёшка прибегал в страшном возбуждении, уговаривая родителей купить красивый альбом с иллюстрациями или фотографиями, на что они обычно не соглашались.

– И так полно книг дома, – говорила в таких случаях мама.

Эрик Берн выделяет три матрицы, определяющие поведение человека в жизни: «детство (Эго Ребенок)», «пример родителей (Эго Родитель)», «схема поведения, направленная на объективную оценку действительности (Эго Взрослый)». Для того чтобы эти матрицы были устойчивы, они должны опираться на три упомянутых выше предела, непрерывно формируя на их основе систему координат. Алёшка уже почувствовал контуры и направление развития такой координатной системы, но она оставалась ещё очень незащищённой, наивной, открытой. Хотя искренность и простота необходимы для её формирования, такая система координат должна ещё быть тщательно замаскирована от недружелюбных контактов, да и просто от неосторожных взаимодействий из-за её хрупкости, срочности, срочности «на живую нитку». Зато даже в таком неустойчивом виде она позволяла времени от времени видеть абрис мира, и даже взгляд с точки зрения всей жизни тоже уже намечился, благодаря соприкосновению с «абсолютным» в красивых добротных томах Шекспира, Данте, античных хрестоматий, которые читались отрывками, кусками, но зато само их пролистывание, разглядывание иллюстраций, прикосновение к торжественным именам порождали сопричастность чему-то, что если бы кто-то подсказал тогда Алёшке, можно было бы назвать мировой гармонией.

Школы составляли следующий круг жизни, но уже, за одним исключением, не такой приятный. Десятиклассная «девятая», которая к её окончанию стала одиннадцатилетней, считалась в городе лучшей, благодаря много лет работавшему директору Моисею Израилевичу, хорошим учителям, ну и ученики были, в основном, неплохие. Школа располагалась на одной улице с их двором, ближе к центру города, метров через пятьсот. Идти нужно было мимо поликлиники МВД, так что трест «Джугжурзолото» оставался напротив слева, потом через перекресток улиц Дзержинского и Лермонтова, а затем мимо жилых домов-бараков и забора мебельной фабрики. Школа была двухэтажная, с четырьмя классами по фасаду и с тремя в левом крыле на каждом этаже. Ещё были кабинеты физики, химии, директора, учительская, буфет, маленький спортивный зал, но к старшим Алёшкиным классам построили правое двухэтажное крыло с большим спортивным залом. Там иногда было совсем неплохо, тем более, что учился Алёшка отлично, но весь этот груз искусственных программ, общественных отношений, отдельных придурков – давил сильно.

Между перекрестком и школой на другой стороне находился «чекистский городок», где жили сотрудники МВД, КГБ – их городские и областные управления располагались на той же стороне улицы, ближе к центру. Дети из этого городка были достаточно спокойные. Шпана, иногда появлявшаяся возле школы, приходила откуда-то издалека: из районов хлебозавода, кирпичного завода, квартала, прилегающего к реке.

Когда Алёшка пошел в первый класс, старшая сестра Александра (в семье ее называли Аля) училась уже в десятом. Вообще-то, разница между ними была восемь лет, но она пошла в шесть, а Алёшка в семь, так что набегал лишний класс. Учились они как бы на разных ярусах, почти не пересекались, да и надобности не было, но в школьный буфет довольно часто привозили пончики, которые стоили весной 1956 года 50 копеек. Они были хорошо прожарены, румяные, с повидлом внутри и после одного и даже пары хотелось съесть еще. И вот уже весной Алёшка повадился бегать на второй этаж в десятый «б», просить денег на пончики.

Там им быстро заинтересовались парни – ребята они были славные, и Алёшка им понравился.

– Это кто такой к нам тут ходит, – заинтересовались они и тут же прозвали Алёшку – «Алька, дай лубль». И привязались потом уже прочно. Прогуливается, например Алексей Николаевич в перемену по коридору первого этажа, серьезный, задумчивый, с пухлыми щечками, а они гурьбой идут в туалет в конце коридора, как раз мимо первого «а».

– А, Алка дай лубль, – схватят крепко, подкинут немного вверх или щелчка дадут, не сильно, но как-то очень театрально. В общем, стал Алёшка их несколько опасаться, ну в класс можно зайти сразу, как будто по делу, когда из-за коридорного поворота покажется их ватага.

Приходит Алёшка как-то в туалет, а они там стоят гурьбой, курят, смеются.

– Кто пришел, посмотрите, – говорит вдруг Костыркин – веселый, здоровый парень, – Алка, дай лубль пожаловал. – Потом неожиданно подхватил его за ноги и подержал некоторое время головой вниз над дыркой. Туалет был простой, внизу выгребная яма, а над ней несколько дырок. Алёшка отнесся к этому действию совершенно спокойно, повисел головой вниз, потом, будучи поставлен обратно на ноги, спокойно пошёл обратно в класс, но дома как-то неосторожно рассказал об этом, не в качестве жалобы, а от избытка впечатлений.

– А меня сегодня Костыркин в туалете держал над дыркой вниз головой.

Мама возмутилась.

– Он же уронить тебя мог в яму.

Алёшка решительно закрутил головой и уверенно сказал.

– Нет, он крепко держал, не уронил бы.

О такой возможности Алёшка не подумал ни тогда, ни потом. Держали его действительно как-то надежно.

АЛЁШКА

– Я завтра пойду к Моисею Израилевичу, и пусть он этому Костыркину задаст как следует.

Тут взмолилась сестра.

– Не ходи никуда, пожалуйста, я сама разберусь с ними.

Что-то она, по-видимому, и в самом деле сделала – больше к Алёшке эти парни не лезли. Так, улыбнутся издали, рукой помашут:

– Алька дай лубль, привет, – и всё.

Кроме обычной школы, была еще музыкальная, которая, вообще, прошла по детству каким-то веселым фоном, потому что казалась совершенно необязательной, но там была какая-то своя интересная жизнь. И хотя Алёшка придурился в этой школе годами и чуть не бросил её где-то середине шестого класса – он всё-таки окончил её, а дальше чуть не целый учебный год до апреля ещё брал частные уроки по программе первого курса музыкального училища. Его зачислили не совсем нормальным образом уже в начале второго класса, потому что до этого он занимался только фортепьяно с отличным педагогом Аллой Ивановной Рубиной. По-видимому, учеников во втором классе оказалось мало, так что Алёшку зачислили официально, но под конец третьего класса он не ходил на сольфеджио и историю музыкальной литературы. Ему передавали несколько раз, что нужно ходить, спрашивали, почему он не ходит, это же, мол, не частные уроки, а школа, но ходить было неохота и прикинувшись полным идиотом, он вроде бы не понимал, о чем идет речь.

Потом все это как-то разом прорвалось, директор кричал на Алёшку, кричал на завуча. Алёшка стоял совершенно вроде бы потрясенный, со слезами на глазах и лепетал.

– Я не понял, Петр Иванович, я думал, как в первом классе, только фортепьяно, я все догоню. Я, правда, не понял.

– Он догонит, – уверяла следом завуч.

Директор покричал ещё немного, потом махнул рукой и ушёл в другую комнату, Алёшка остался.

– Ты ходи теперь три раза в неделю, обязательно, вот расписание, – сказала завуч.

Оставалось-то месяца два-три до конца третьего класса, можно было и походить, тем более, что и сольфеджио, и история музыкальной литературы оказались очень интересными. Проблема была с музыкальными диктантами, в которых Алёшка никак не мог схватить сам метод идентификации звуков. Они сливались в какую-то кашу, но в группе были ещё девочки, для которых всё это получалось удивительно легко, и они помогали, тройка-то всегда была обеспечена. По музыкальной литературе у него стояла «пятерка», по сольфеджио в среднем «четыре», ну, и сам предмет – фортепьяно – шёл нормально, так что в целом получалась вполне приемлемая картина.

Дорога в музыкальную школу была интересной. Нужно было пройти мимо стадиона, клуба МВД, потом по левой стороне тянулись здания милиции, за которыми виднелась тюрьма или что-то очень на неё похожее, а справа шёл забор, отгораживающий «сумасшедший дом» – «Держинского семнадцать», как он именовался в городе. Забор у «сумасшедшего дома» и маленькая проходная были тюремного вида. Иногда в тёплое время на улицу выходили больные в длинных коричневых халатах, вполне на вид нормальные люди. В клуб МВД интересно было заглянуть на пути уже из музыкальной школы. Там в большом зале Алёшка несколько раз наткнулся на репетицию оперы «Нюрнун Боотур», можно было пробраться в библиотеку, где стояли стенды с книгами и журналами. На стадионе обычно кто-то бегал, играл в футбол или ходил на лыжах.

С тринадцати лет появилась ещё одна школа, которая воспринималась как настоящая – юношеская физико-математическая школа (ЮФМШ) при физико-математическом факультете университета, которой руководил Александр Павлович Тапиро, доцент, заведующий кафедрой математического анализа. Ходить туда нужно было по воскресеньям к одиннадцати часам. Сразу же после завтрака Алёшка садился за стол и просматривал подготовленное за неделю домашнее задание – задачи или разобранный раздел в книге, а чаще – то и другое вместе. Через стенку располагалась кухня и оттуда, через коридор,

доносились запахи пирожков или булочек, которые в это время обычно пекла бабушка. Перед уходом Алёшка успевал ещё раз забежать за парой таких пирожков, а в половине одиннадцатого уже шёл на автобусную остановку.

Тапиро проводил занятия ЮФМШ в добротном двухэтажном каменном здании на углу улиц Петровского и Ярославского, где размещался физико-математический факультет университета. Здание построили в начале века для реального училища. По воскресеньям здесь иногда занимались и студенты, но угловую аудиторию в левом крыле на втором этаже, возле лестницы с коваными металлическими ступеньками, никто в это время не занимал. Рядом помещался маленький кабинет Александра Павловича с высоким узким, выходящим во двор окном. Алёшка всегда с благоговением переступал порог этой комнаты. Всё в ней, включая стол, подоконник и стулья, было завалено книгами, бумагами, папками. В шкафу за стеклом стояли книги с волнующими названиями по теории вероятности, алгебре, дифференциальным уравнениям, а на самом верху шкафа – глобус Луны, математические или геодезические приборы с почерневшими от времени деревянными частями, на стенах висели карты звездного неба, а прямо напротив двери – портрет красивого юноши в раме. Был виден широкий отложной, приподнимающийся сзади почти к самому затылку воротник, Спереди он, опускаясь вниз, приобретал обычные формы, а горло было плотно заматано чем-то вроде темного тонкого шарфа.

– Кто это? – спросил Алёшка, когда в первый раз увидел портрет.

– Эварист Галуа, – гордо ответил Тапиро, – создатель современной алгебры.

Он как-то внимательно взглянул на Алёшу и добавил:

– Погиб в двадцать лет на дуэли.

За несколько следующих дней Алёшка просмотрел все, что смог найти про Галуа в энциклопедиях, справочниках, а книгу Леопольда Инфельда «Эварист Галуа. Избранник богов», которую он, по совету Александра Павловича, взял в библиотеке, прочёл два раза подряд и потом с гордостью рассказывал в классе про Галуа, чувствуя в глазах ребят и девчонок как бы свою причастность к его судьбе. С особенным пафосом получался у него рассказ о том, как в ночь перед дуэлью двадцатилетний юноша в письмах к друзьям изложил теорию решения алгебраических уравнений и как потом, брошенный предателями-секундантами, раненый истекал кровью на месте дуэли.

Пройти к угловой аудитории, где проходили занятия, можно было двумя способами, и каждый порождал яркие впечатления. Первый, более длинный, предполагал поворот направо к довольно широкой лестнице в конце коридора, ведущей на второй этаж и потом проход в обратном направлении мимо актового зала слева до бокового коридора в левом крыле. При этом всегда интересно было заглянуть в боковые коридоры правого крыла, где на первом этаже виднелись станки, длинные массивные столы, а на втором стояли шкафы с бумагами, приборами, химическим стеклом. Боковой коридор в левом крыле был интереснее из-за открытых аудиторий, где приборы стояли прямо на столах, а на стенах висели плакаты с диаграммами, таблицами, портреты учёных в старомодных одеждах. Здесь иногда попадались студенты, казавшиеся Алёшке небожителями. После этого коридора нужно было повернуть направо в совсем уже небольшой коридорчик с двумя аудиториями и кабинетом Александра Павловича.

Сюда же можно было попасть, если от центрального входа повернуть налево, но тогда в нижних торцевых коридорах, прямом и поперечном, нужно было идти мимо трёх спортивных залов. Сначала шёл большой зал с баскетбольными кольцами, там обычно кто-то разминался, играли в баскетбол, иногда в волейбол. Второй зал был поменьше, с борцовскими матами по углам, где часто можно было встретить рапиристов в сетчатых масках. В зале, расположенном поперек с небольшим коридорчиком, тоже стояли баскетбольные щиты, но здесь обычно тренировались штангисты. Напротив этого зала железная кованая лестница вела наверх ко все тому же кабинету Александра Павловича.

Круг книг, в который оказался вовлечен Алёшка, оказался очень большим: библиотека математического кружка в десяти томах, необычные задачки – один «Задачник по элементарной математике» Моденова чего стоил или двухтомник Адамара «Элементар-

АЛЁШКА

ная геометрия». Книги были редкие, но Алёшка умудрялся их доставать. Первый том Адамара «Планиметрия» купил в букинистическом, М. Балк «Геометрические приложения понятия о центре тяжести», девятый выпуск «Библиотеки математического кружка» стоял в ближайшем книжном магазине, ещё два выпуска этой серии (второй и пятый) оказались в городской библиотеке, а толстый желтоватый «Моденов» нашёлся на полках у Евдокии Ивановны. Кроме того, Александр Павлович часто сам приносил хорошие книги по математике, физике. «Неизбежность странного мира» Д. Данина буквально завороживала Алёшку своими рассказами о современных физиках. Ещё он приносил стихи и красиво читал их вслух – Дмитрия Кедрина, Беллу Ахмадулину, Андрея Вознесенского. Алёшка знал много стихов, но в той же «Кукле» было что-то совершенно простое, о чём не писали Пушкин или Лермонтов, и в то же время поэтически глубокое. Задачи решали непрерывно: те, что были на последних олимпиадах – всесоюзных, международных, причём под них все время подводился конкретный метод: математическая индукция, вариационные методы, зеркально симметричные отображения, и задачи решались легко, красиво, одна за другой. Алёшка собрал всё, что смог достать: научно-популярные книги по физике, математике – «Математическая смекалка», «Занимательная физика», «Книги для чтения по химии». Оказывается, довольно много таких книг было дома, и даже использовались для школьных целей и сестрой, и самим Алёшкой.

– Вот книга очень полезная, недавно вышла, вчера получил «книга – почтой», – говорил Александр Павлович, вытаскивая из портфеля голубоватую книгу. – Радемахер, Теплиц «Числа и фигуры», перевод с немецкого. Я читал её в детстве, а это уже третье издание, прекрасная книга, разберем несколько глав.

– А как её заказать? – спросил кто-то.

– Пожалуйста, вот адреса, – и Тапиро написал на доске несколько адресов в Ленинграде, Москве, Новосибирске.

– Заплатите уже на почте при получении и быстро придёт, в течение месяца. Сейчас разберём одну главу, а дома сами посмотрите третью и четвертую. Вот очень красивая задача о наименьшем периметре треугольника, вписанного в другой треугольник, приводится два доказательства.

По почте действительно можно было получать последние издания отличных книг, и Алёшка стал заказывать их довольно часто, но однажды попутно заказал еще и ноты, наткнувшись где-то в журнале на красивое объявление: «Шопен. Полное собрание сочинений. Редакция Падеревский. Институт Фредерика Шопена». Где-то через месяц пришли два толстых пакета рублей по двадцать пять каждый, как было указано в квитанциях. Тут уже возмутился отец.

– Выкупи, но больше не заказывай. Это же для музыкантов, ты что, играть все это будешь, – говорил отец, разглядывая ноты, когда Алёшка притащил их домой. – «Скерцо, Вальсы. Полонезы. Баллады. Сонаты. Ноктюрны. Прелюдии».

– Красиво издано, ну вальсы еще можно было заказать, – вздохнула мама.

– Больше так не заказывай, – добавил отец.

Занятия планировались часа на полтора, но всегда было так интересно, что обычно засиживались дольше, чуть ли не до двух. Александру Павловичу было лет тридцать с небольшим. Высокий, толстый, с пышной шевелюрой, неаккуратно одетый, у него часто виднелась нижняя рубашка или плохо зашнурованные ботинки. Жил он недалеко от здания физико-математического факультета, в новом каменном университетском доме на проспекте Ленина. Алёшка один раз заходил к нему за книгой на последний четвертый этаж, в коммунальную квартиру, где он занимал одну комнату.

К Тапиро ходило человек пятнадцать, включая трёх девочек, но регулярно, в течение всего года – четверо или пятеро. Большинство были победителями математических олимпиад, двое или трое ещё и физических, но задач по физике большинство боялось. Почти все готовились поступать на физико-математические факультеты университетов в Москве, Ленинграде, Новосибирске. Тапиро особенно хвалил Ленинградский университет, как свою «Альма матер» и Новосибирский, только что открывшийся в Академгородке, где

внедрялась, по его словам, совершенно новая система образования, где студенты с первых курсов окунались в научную работу. Алёшка сразу же загорелся этим академгородком, но ещё больше физматшколой при НГУ, куда вполне реально можно было поступить.

Самые сильные ощущения Алёшкиного детства остались именно от книг и от ЮФМШ, но когда начинаешь всё это передавать текстом, то приходится постоянно употреблять слово «было» или его заменители, вставленные вместо неотвязного глагола исключительно для благозвучия, чтобы уменьшить частоту его непосредственного употребления. Но ведь именно эта вездесущая связка определяет сам факт бытия, само существование мира, природы, отдельных людей, их жизней. Ведь все это действительно было и продолжается десятилетия спустя, неотвязно требуя своего литературно-философского воплощения, влияя на судьбы людей, перекидывая устойчивые связи из прошлого в будущее, используя при этом настоящее как своего рода трамплин, а в самом настоящем формируя ячейку для коммуникации и катализации некоторого духовного процесса.

Когда-то древние греки, разочаровавшиеся в олимпийских богах, обрели силу в философии, в довольно простых концепциях, доказывающих устойчивость окружающего их мира, от которого не следует ждать катастрофических разрушений и гибели человечества. В настоящее время цивилизационный кризис гораздо масштабнее и опаснее, и противостоять ему может только общепланетарный духовный процесс, развивающийся по своим внутренним законам и вовлекающий в своё становление всех, кто слышит его ритмы.

